

УДК 343.3/.7; 347.2/.3

DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(1).82-90

БИОМАТЕРИАЛЫ, ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

С.М. Кочои¹, И.А. Гребенкина^{1, 2}¹Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

16 апреля 2020 г.

Дата принятия в печать

19 февраля 2021 г.

Дата онлайн-размещения

9 марта 2021 г.

Ключевые слова

3D-биопринтинг; биоматериалы; биопринтные органы и ткани; биообразцы; правовой режим; предмет преступления; уголовная ответственность; биотерроризм; торговля органами и тканями человека; хищение органов и (или) тканей человека и биоматериалов

Финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания 075-00293-20-02 от 25 мая 2020 г. № FSMW-2020-0030

Аннотация. В эпоху четвертой промышленной революции 3D-биопринтные технологии стали одним из перспективных направлений регенеративной медицины, предоставляющих новые возможности для лечения людей и проведения научных исследований, позволяющих решить проблему дефицита человеческих органов и тканей для трансплантации и одновременно привести к прекращению торговли человеческими органами и тканями. Однако эффективное достижение целей регенеративной медицины невозможно без разрешения ряда актуальных гражданско-правовых и уголовно-правовых вопросов, поиск ответов на которые выступает целью настоящего исследования. Используя методологии взвешивания интересов, юридического анализа, единства теории и практики, правовой аксиологии, авторы попытались ответить на вопросы о правовом режиме биоматериалов, биообразцов, используемых при создании 3D-биопринтных органов и тканей, самих 3D-биопринтных органов и тканей, а также органов и (или) тканей человека в уголовном законодательстве. По итогам проведенного исследования предлагается законодательно признавать биоматериалы, биообразцы и 3D-биопринтные органы вещами, объектами вещных прав, выделяя их специфические черты. Поскольку предполагается, что развитие аддитивных технологий и 3D-биопечати должно привести к прекращению торговли человеческими органами и тканями, в статье даны рекомендации о совершенствовании уголовно-правовых норм как важнейшего средства уголовно-правового противодействия указанным преступлениям в целом. В частности, сформулировано предложение о расширении предмета преступления, предусмотренного ст. 120 УК, приведены дополнительные аргументы о возможности признания биоматериалов, органов и (или) тканей человека предметом преступлений против собственности, а также предложено дополнить гл. 25 УК РФ нормой об ответственности за противоправные сделки с биоматериалами, органами и (или) тканями человека.

HUMAN BIOMATERIALS, ORGANS AND TISSUES AS OBJECTS OF CRIME

Samvel M. Kochoi, Irina A. Grebenkina^{1, 2}¹Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2020 April 16

Accepted

2021 February 19

Available online

2021 March 9

Keywords

3D bioprinting; biomaterials; bioprint organs and tissues; biological samples; legal regime; object of crime; criminal liability; bioterrorism; trade in human organs or tissues; theft of human organs and (or) tissues and biomaterials

Abstract. During the fourth industrial revolution 3D print technologies became one of the prospective trends in regenerative medicine that offer new opportunities for treating people and conducting research; they make it possible to solve the problem of deficit of human organs and tissues for transplantation and, at the same time, to put an end to trade in human organs and issues. However, it is impossible to achieve the goals of regenerative medicine without settling a number of urgent civil and criminal law questions, and the presented study is devoted to searching the answers to these questions. The authors apply the methodologies of weighing the interests, legal analysis, unity of theory and practice, and legal axiology to discuss the questions of the legal regime of biomaterials, biosamples used for 3D-bioprinted organs and tissues, 3D-bioprinted organs and tissues themselves, as well as human organs and (or) tissues in criminal legislation. Based on this research, they suggest recognizing biomaterials, biosamples and 3D-printed organs as property and objects of proprietary interests by singling out their specific features. Since the development of additive manufacturing and 3D-printing is supposed to put an end to trade in human organs and tissues, the paper presents recommendations on improving the criminal law

Acknowledgements

Research is carried out within the state task 075-00293-20-02 of May 25, 2020 № FSMW-2020-0030

norms as a vital method of criminal law counteraction to the abovementioned crimes in general. Specifically, they formulate the idea on widening the object of crime in Art. 120 of the Criminal Code, present additional arguments regarding the possibility of recognizing human biomaterials, organs and (or) tissues as objects of crimes against property, as well as suggest supplementing Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation with a norm on liability for illegal deals involving human biomaterials, organs and (or) tissues.

Цифровая экономика, предоставляя значительные экономические и социальные возможности [1], обуславливает цифровое преобразование всех сфер жизнедеятельности, в том числе сферы здравоохранения.

В связи с растущей потребностью в трансплантации органов и нехваткой донорских органов технологии регенеративной медицины в эпоху четвертой промышленной революции считаются наиболее перспективными во всем мире. К ним относят генную и клеточную терапию и инжиниринг тканей. В последнее время бурное развитие получило еще одно направление регенеративной медицины — 3D-биопринтинг, а к наиболее используемым технологиям биопечати относятся струйные и экструзионные системы [2].

Благодаря способности создавать модели биоматериалов с микрометрической точностью в трех измерениях (3D) биопечать представляет собой привлекательную альтернативу для решения задач в сфере биомедицинской инженерии. Трехмерная (3D) биопечать — новый подход к проектированию человеческих тканей и органов. Это гибкая автоматизированная система по требованию для изготовления сложных живых архитектур. Биопринтинг может быть использован для точного позиционирования клеток и материалов, нагруженных клетками, в целях создания контролируемой архитектуры тканей. Используется несколько методов, включая струйную биопечать и лазерно-индуцированную технику прямого переноса (лифтинга). Уже проведено несколько успешных испытаний, в том числе по разработке тканей кожи и уха¹ [3].

¹ Американская компания Organovo первой использовала технологии 3D-биопринтинга для изготовления пригодных для хирургии и трансплантации тканей кожи, сердца, кровеносных сосудов и др. В России одной из первых компаний по разработке и производству биопринтеров и материалов в области трехмерной биопечати и научным исследованиям является лаборатория биотехнологических исследований, основанная медицинской компанией INVITRO, — 3D Bioprinting Solutions [4].

Для создания биопринтных органов и тканей используются индуцированные стволовые клетки самого пациента (аутологические) или донора (аутогенные), которые можно получить из костного мозга, пульпы зуба или жировой ткани пациента. Указанные клетки помещаются в 3D-биопринтер в составе «биочернил» на биосовместимой основе, затем с применением аддитивных технологий (послойного метода генерации трехмерных структур биологических тканей) печатаются 3D-биопринтные органы.

Индуцированные стволовые клетки самого пациента (аутологические) или донора (аутогенные) представляют собой биоматериалы человека, правовой режим которых в уголовном и гражданском законодательстве, равно как и режим самих 3D-биопринтных органов и тканей, до сих пор не определен ни в России, ни в одной из зарубежных стран² [5–9].

Целью настоящего исследования является разрешение следующих уголовно-правовых и гражданско-правовых вопросов:

1. Каков уголовно-правовой и гражданско-правовой режим биоматериалов, используемых при создании 3D-биопринтных органов и тканей?

2. Каков правовой режим самих 3D-биопринтных органов и тканей в уголовном и гражданском законодательстве?

Используя методологии взвешивания интересов, юридического анализа, единства теории и практики, правовой аксиологии, попытаемся последовательно ответить на каждый из поставленных вопросов.

Представляется, что для определения правовой природы биоматериалов и 3D-биопринтных органов прежде необходимо выявить правовую природу непосредственно человеческих органов и тканей. Важно заметить, что в цивилистической доктрине до сих пор не существует единообразного подхода к определению правового режима человеческих

² Buckley v. Align Technology, Inc., № 5 13-cv-02812 EJD, 2015 U.S. Dist. LEXIS 133388 (N.D. Cal. Sept 29, 2015). URL: <https://www.tuckerellis.com/webfiles/files>.

органов и тканей. Кроме того, согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, человеческие органы и ткани не отнесены к числу объектов гражданских прав.

Рассмотрим основные доктринальные концепции по поводу правовой природы человеческих органов и тканей, систематизированные Д.А. Дороговым:

1. Органы и ткани человека не являются объектами гражданских прав, поскольку образуются вследствие естественных процессов и представляют собой часть организма [10, с. 33].

2. Органы и ткани человека — нематериальные блага, но после отделения от организма человека они теряют свою индивидуально-личностную определенность [11]. Органы и ткани человека являются частью организма, а потому сам факт их существования охватывается правом на здоровье, а в случаях, связанных с жизненно важными органами и тканями, — правом на жизнь; недопустимость любого вмешательства других лиц с целью отчуждения данных биологических объектов — одна из составляющих права на физическую неприкосновенность [12, с. 101].

3. Органы и ткани после отделения от организма человека являют собой вещи как объекты гражданских прав [13]. В научной литературе подчеркивается, что решение вопроса об отделении органов или тканей, находящихся в организме человека, осуществляется в рамках права на физическую неприкосновенность [11].

4. Органы и ткани человека как объекты *sui generis*. Последователи данного подхода отмечают дуальную природу органов и тканей, которым присущи признаки как нематериальных благ, так и вещей, что позволяет говорить о существовании «биологической собственности» [14, с. 7–8], «невещных материальных благ» [15] и др.

На наш взгляд, именно третий подход, согласно которому органы и ткани после отделения от организма человека являют собой вещи как объекты гражданских прав, в наибольшей степени оправдан для эффективного развития регенеративной медицины и обусловлен соответствием отделенных от человека органов и тканей всем юридическим признакам вещей: основным — доступность обладанию человека, материальность и факультативному — способность удовлетворять те или иные потребности людей, т.е. ценность вещей [16].

Однако если отделенные от человека органы и ткани — это вещи, то возможно ли рассматривать отделенные от человека клетки

(биоматериалы) непосредственно сразу после их отделения в качестве объектов гражданских прав (вещей), подобно органам и тканям?

В литературе высказывается позиция, что такой подход безоснователен. Так, на взгляд Г.С. Васильева, «кровь (клетки кожи, слюна и т.д.) не может храниться (исследоваться) сама по себе. Если после ее сбора от конкретного донора не принять специальных мер по ее сохранению, она испортится в течение нескольких минут (конкретный срок может меняться в зависимости от температуры, влажности и т.д.). Существуют специальные процедуры — практики, именуют их стандартными операционными процедурами (далее — СОП), которые позволяют сохранить взятый биоматериал. Эти СОП выполняются работниками организации-реципиента, которые совершают их в интересах своего работодателя (иными словами, руками своих работников их совершает организация). В терминологии гражданского права организация «действует для себя». Благодаря ее действиям кровь и т.д. преобразуется — из биоматериала она превращается в биообразец...

Данные рассуждения позволяют сделать вывод о том, что ни тело человека, ни его производные не являются вещами, объектами вещных прав или сделок сами по себе. Такими объектами являются биообразцы — определенным образом обработанные человеческие клетки или ткани — при соблюдении предусмотренных в законе условий.

Сказанное позволяет также решить вопрос о собственнике полученных биообразцов. Ведь создание нового объекта права происходит путем преобразования того материала, который до преобразований собственника не имел. В этой ситуации п. 1 ст. 218 ГК РФ предписывает считать собственником новой вещи того, кто создал новую вещь для себя. Таким лицом, как мы говорили, является медицинская (научная) организация, чьи работники осуществляли действия по сохранению взятой крови, слюны и т.д. Именно она приобретает первоначальное право собственности на новый образец» [17, с. 335].

С нашей позиции, данный вывод представляется небесспорным. Анализ общественных отношений с использованием 3D-биопринтных органов и тканей, полагаем, позволяет представить вниманию читателя два возможных подхода к правовому регулированию отношений по сбору, созданию и использованию биоматериалов, биообразцов и 3D-биопринтных органов и тканей.

Первый подход. Исходя из ранее обозначенной позиции Г.С. Васильева, не относящей исходные биоматериалы человека к вещам и признающей право собственности на биообразцы за медицинской (научной) организацией, следует, что созданные на их основе 3D-биопринтные органы и ткани автоматически становятся собственностью указанной организации, и логично, что отношения между пациентом и медицинской (научной) организацией должны оформляться договором купли-продажи указанных органов и тканей, где продавец — медицинская организация, а покупатель — пациент, и договором возмездного оказания медицинских услуг по их последующей имплантации пациенту.

Второй подход (авторский). Опираясь исключительно на два основных юридических признака вещей — доступность обладанию человека и материальность, можно констатировать, что биоматериалы, подобно отделенным от человека органам и тканям, — это уже вещи сразу после отделения от человека. Биообразец — это результат переработки биоматериала. Поскольку собственником биоматериала является сам пациент, то и собственником биообразца должен признаваться он же, что следует из анализа ст. 220 ГК РФ, согласно которой собственником вещи, созданной в результате переработки материалов, по общему правилу признается собственник материалов, в нашем случае — пациент. Следовательно, отношения между пациентом и медицинской (научной) организацией опосредуются договором подряда на изготовление 3D-биопринтного органа или ткани из материалов заказчика — пациента. В соответствии с данным договором подряда именно пациент (заказчик) становится собственником результата работ. Имплантация органа производится по договору на возмездное оказание медицинских услуг. При этом, если для создания 3D-биопринтного органа или ткани используется биоматериал донора, последний заключает с медицинской (научной) организацией либо договор донорства биоматериала, либо договор дарения.

Полагаем, именно второй, авторский подход в большей степени отвечает интересам пациента и третьих лиц — доноров биоматериала. Это предотвратит незаконное использование человеческих биоматериалов (впоследствии биообразцов) медицинскими, научными организациями в корыстных целях (получение вакцин, новых видов лекарственных препаратов

без согласия и отчисления дохода собственнику биоматериала — пациенту и т.д.). Кроме того, и медицинская организация при обозначенном подходе не лишается возможностей проведения научных исследований с биоматериалами, биообразцами при условии заключения с пациентом договора дарения, его информированного согласия на обработку его персональных данных и согласия на цели использования его биоматериалов и биообразцов.

Таким образом, на законодательном уровне следует признать биоматериалы человека, а также полученные на их основе биообразцы и 3D-биопринтные органы вещами, объектами гражданских прав, включая вещные права.

Следует признать, что отсутствие единообразного подхода к правовому режиму человеческих органов и тканей в гражданском праве не препятствует их признанию в качестве признаков составов ряда преступлений в уголовном праве. В частности, в Уголовном кодексе Российской Федерации «использование органов или тканей потерпевшего» признается признаком субъективной стороны (целью): убийства (п. «м» ч. 2 ст. 105); умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (п. «ж» ч. 2 ст. 111).

Таким же субъективным признаком (целью) признается «изъятие у потерпевшего органов или тканей» при совершении купли-продажи человека, иных сделок в отношении человека, а равно его вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения (ст. 127.1 УК РФ).

Фактически о субъективном признаке идет речь и в ч. 1 ст. 120 УК РФ, предусматривающей ответственность за «принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения». Используемое здесь слово «для» не оставляет сомнений, что трансплантация выступает той целью, ради достижения которой потерпевший принуждается к изъятию органов или тканей.

Таким образом, если по ст. 105 и 111 УК РФ наказуемы деяния, преследующие цель использования органов или тканей потерпевшего, а по ст. 127.1 УК РФ — цель их изъятия (причем во всех этих статьях не только для трансплантации), то по ст. 120 УК РФ наказуемо принуждение к изъятию органов или тканей человека только для трансплантации.

Согласно закону РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 г. № 4180-1, «объектами транспланта-

ции могут быть сердце, легкое, почка, печень, костный мозг» и другие органы и (или) ткани, перечень которых определен Министерством здравоохранения РФ и РАН³. При этом действие упомянутого закона РФ «не распространяется на органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), а также на кровь и ее компоненты». Стало быть, в преступлениях, предусмотренных ст. 105, 111 и 127.1 УК РФ, предметом могут быть любые органы и ткани (включая органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), а также кровь и ее компоненты), а ст. 120 УК РФ — только органы и ткани, подпадающие под определение объекта трансплантации в соответствии с законом РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Полагаем, что в ст. 120 УК РФ ограничение предмета преступления только объектами трансплантации не имеет под собой веских оснований — ни практических, ни теоретических. Поэтому общественно опасным должно признаваться любое принуждение к изъятию органов и (или) тканей человека безотносительно к целям такого принуждения — для трансплантации или не для трансплантации. В связи с этим представляются лишними в названии ст. 120 УК РФ и диспозиции ее ч. 1 слова «для трансплантации».

Означает ли все изложенное, что приведенными статьями УК РФ охватываются противоправные действия также с органами и тканями после отделения от организма (т.е. биоматериалами⁴), преобразуемыми в биообразцы и ис-

пользуемыми затем при создании биопринтных органов и тканей? Полагаем, что нет. Данный вывод подтверждает и скудная судебно-следственная практика. Так, по делу группы медицинских работников предметом предполагаемого преступления, предусмотренного ст. 30 (ч. 1) и 105 (п. «м» ч. 2) УК РФ, были признаны почки лица, находящегося в состоянии комы⁵; по делу Л., осужденного по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1 ст. 244 УК РФ, — кровь убитой им Б. Кстати, в последнем случае Верховный Суд РФ разъяснил, что «по смыслу уголовного закона убийство человека в целях использования его тканей, включая кровь (кровь — это жидкая подвижная ткань внутренней среды организма)... не сводится к изъятию тканей исключительно в целях их последующей трансплантации»⁶.

Биообразцы и 3D-биопринтные органы или ткани существенно отличаются от человеческих органов и тканей искусственностью создания и отсутствием риска причинения вреда здоровью при получении биоматериалов, создании биообразцов и 3D-биопринтного органа. В этой связи следует напомнить, что федеральный закон «О биомедицинских клеточных продуктах» (ст. 3) принципами осуществления деятельности в сфере обращения биомедицинских клеточных продуктов провозглашает, в частности, добровольность и безвозмездность донорства биологического материала, недопустимость купли-продажи биологического материала, недопустимость использования для разработки, производства и применения биомедицинских клеточных продуктов биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека или нарушения такого процесса. Этот же федеральный закон (ст. 47) декларирует, что нарушение законодательства Российской Федерации «об обращении биомедицинских клеточных продуктов влечет за собой наступление ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации». Между тем никакой ответственности, в частности, за указанные нарушения по УК РФ до сих пор нет, хотя с момента вступления в силу анализируемого федерального закона прошло более трех лет. На наш взгляд,

³ Об утверждении перечня объектов трансплантации [Электронный ресурс] : приказ Минздрава России от 4 июня 2015 г. № 306н, РАН № 3 : (ред. от 1 окт. 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Биологический материал — это «биологические жидкости, ткани, клетки, секреты и продукты жизнедеятельности человека, физиологические и патологические выделения, мазки, соскобы, смывы, биопсийный материал» (О биомедицинских клеточных продуктах [Электронный ресурс] : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ : (ред. от 3 авг. 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс» ; Об обращении лекарственных средств [Электронный ресурс] : федер. закон от 12 апр. 2010 г. № 61-ФЗ : (ред. от 27 дек. 2019 г.) : (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2020 г.) // Там же). Использование биоматериалов имеет колоссальное значение в целом в уголовно-правовом противодействии преступности, в частности в процессе ДНК-профилирования [18].

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. по делу № 5-о06-179 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2019 г. № 84-АПУ19-2 [Электронный ресурс] // Там же.

вмешательство УК РФ здесь возможно прежде всего для ограничения коммерциализации оборота перечисленных предметов. С учетом того что по сегодняшний день не реализовано также положение об уголовной ответственности за куплю-продажу органов и (или) тканей человека, установленное ранее принятым законом РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (ст. 1), следует признать вопрос об уголовной ответственности за противоправные деяния с органами и (или) тканями человека, а также биоматериалами назревшим.

Наличие в УК РФ нормы о торговле людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей (п. «ж» ч. 2 ст. 127.1) мы не рассматриваем в качестве решения обозначенной проблемы. Во-первых, в ней речь не идет о биообразцах и 3D-биопринтных органах или тканях. Во-вторых, торговля людьми, включая куплю-продажу человека, не равнозначна коммерческим сделкам, предметом которых выступают его органы или ткани либо биоматериалы. По нашему мнению, УК РФ должен быть дополнен общей нормой, в частности, об ответственности за куплю-продажу органов и (или) тканей человека, а также биоматериалов (представляется, что данная норма могла бы находиться в гл. 25, поскольку описанные сделки посягают главным образом на общественную нравственность).

Подобная норма нужна, помимо всего прочего, также для отражения реальной опасности деяний, состоящих не только в совершении убийства, причинении тяжкого вреда здоровью человека или торговле людьми, но также в последующей купле-продаже человеческих органов и (или) тканей. В таких преступлениях, например, были изобличены террористы «Исламского государства»⁷, промышлявшие торговлей органами езидских женщин-рабынь⁸. С нашей точки зрения, квалификация столь разных по характеру деяний (убийство и купля-продажа человеческих органов или тканей; торговля людьми и торговля их органами или тканями и т.п.) только по одной норме уголовного закона будет не совсем полной, а с учетом

⁷ «Исламское государство» — международная террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

⁸ МИД РФ: террористы в Сирии и Ираке торгуют человеческими органами. URL: <https://tass.ru/politika/2541356> ; Боевики «Исламского государства» продают секс-рабынь на органы, чтобы заработать денег на финансирование терактов. URL: https://www.newsru.com/world/20aug2015/isis_organs.html.

высокой степени опасности торговли органами или тканями человека — справедливой. Подтверждением объективно возрастающей опасности таких преступлений и отражением перманентного увеличения их количества является общая позиция отечественного законодателя, состоящая в ужесточении санкций норм об ответственности за противоправные действия, связанные с человеческими органами или тканями, а также биоматериалами. Напомним, что в ч. 2 ст. 120 УК РФ лишение свободы на срок от двух до пяти лет было заменено на срок до пяти лет⁹, а в ч. 2 ст. 127.1 УК РФ к лишению свободы на срок от трех до десяти лет добавилось наказание, назначение которого является правом суда, — лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 15 лет¹⁰.

Поскольку мы исходим из позиции, согласно которой органы и ткани после отделения от организма человека, а также биоматериалы являются вещью (объектом гражданских прав), то вполне обоснованно можно утверждать о возможности признания органов или тканей, а также биоматериалов предметом наиболее распространенных преступлений — преступлений против собственности, в первую очередь хищения чужого имущества. Очевидно, такому выводу не препятствует и само примечание 1 к ст. 158 УК РФ, поскольку как доктрина, так и судебная практика исходят из возможности признания предметом хищения, предусмотренного нормами гл. 21 УК РФ, только вещи (сказанное не исключает возможности признания органов или тканей человека, а также биоматериалов предметом и других корыстных преступлений против собственности, например вымогательства).

В литературе высказано мнение, что ответственность за хищение человеческого биоматериала, как и в целом за незаконный оборот органов и (или) тканей человека, следует устанавливать в специальной норме в гл. 25 УК РФ. Его автор исходит из того, что «охрана от-

⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁰ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] : федер. закон от 29 февр. 2012 г. № 14-ФЗ // Там же.

ношений в сфере законного оборота биокомпонентов человека также должна осуществляться специальной нормой УК РФ», поскольку традиционно в УК ряд предметов преступлений ввиду их особой значимости «выведены законодателем из-под действия общих норм и охватываются специальными нормами УК РФ» [19, с. 236]. Предложение нам представляется разумным, поскольку гражданский оборот некоторых из этих вещей (органов и (или) тканей человека, а также биоматериалов) ограничен либо запрещен. Данное обстоятельство сближает указанные предметы с такими предметами, хищение или незаконный оборот которых выделены в отдельные нормы (например, ст. 221, 222, 228, 229 УК РФ).

Следует согласиться также с мнением о том, что в модельной норме «для обозначения рассматриваемого круга деяний можно оперировать обобщающим понятием — «хищение», которое будет охватывать все формы хищения трансплантатов человека» [20, с. 230–242]. Однако при этом необходимо иметь в виду, что формально единое для всех статей УК РФ определение понятия «хищение» (примечание 1 к ст. 158) в судебной практике фактически не распространяется на те статьи УК РФ, в которых предметом хищения выступают объекты, изъятые из гражданского оборота или оборот которых ограничен. В частности, Пленум Верховного Суда РФ под хищением огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств понимает «противоправное завладение ими любым способом с намерением лица присвоить похищенное либо передать его другому лицу, а равно распорядиться им по своему усмотрению

иным образом»¹¹, а под хищением наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, — противоправное изъятие у юридических или физических лиц, владеющих ими законно или незаконно¹². Как видим, оба предлагаемых Пленумом Верховного Суда РФ определения хищения расходятся с его легальной дефиницией, в частности не содержат указания ни на безвозмездность, ни на корыстную цель квалифицируемых деяний.

В целом, соглашаясь с необходимостью установления в специальных статьях УК РФ ответственности за незаконный оборот и хищение органов и (или) тканей человека, а также биоматериалов, полагаем, что Пленуму Верховного Суда РФ, очевидно, придется сформулировать в одном из своих постановлений определение, которое будет учитывать особенности предмета данного состава хищения (так, как он это сделал в отношении наркотических средств, оружия и других ограниченных в обороте или запрещенных к обороту предметов).

¹¹ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [Электронный ресурс] : постановление пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 : (ред. от 11 июня 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 : (ред. от 16 мая 2017 г.) // Там же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Level Entrepreneurship-Role in the Digital Economy, Tendencies of Improvement of the Information Support System / I. Grebenkina, M. Vinogradova, V. Konstantinov [et al.]. — DOI: 1528-2651-22-5-446 // Journal of Entrepreneurship Education. — 2019. — Vol. 22, iss. 5.
2. Bioprinting Technology and its Applications / Young-Joon Seol, Hyun-Wook Kang, Sang Jin Lee [et al.] // European Journal of Cardio-Thoracic Surgery. — 2014. — Vol. 46, iss. 3. — P. 342–348.
3. Mohamed G.F. 3D Bioprinting / G.F. Mohamed, H.M. Manal, M. Assem // QJM: An International Journal of Medicine. — 2018. — Vol. 111, iss. suppl_1. — P. 200–225.
4. Алейник Н. Печать органов: как продвинулись технологии 3D-биопринтинга и что мешает их развитию / Н. Алейник // Rusbase. — 2019. — 12 Nov. — URL: <https://rb.ru/longread/bioprinting>.
5. Respiratory Viral Infection in Lung Transplantation Induces Exosomes that Trigger Chronic Rejection / M. Gunasekaran, S. Bansal, R. Ravichandran [et al.]. — DOI: 10.1016/j.healun.2019.12.009 // Journal of Heart Lung Transplant. — 2020. — Vol. 39, iss. 4. — P. 379–388.
6. Lindenfeld E. Strict Liability and 3D-Printed Medical Devices / E. Lindenfeld, J.L. Tran // Yale Journal of Law & Technology. — 2015. — Vol. 17. — URL: <https://ssrn.com/abstract=2697245>.
7. Tran J.L. The Law & 3D Printing / J.L. Tran // The John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law. — 2015. — Vol. 31, iss. 4. — P. 505–520.
8. Ebrahim T.Y. 3d Bioprinting Patentable Subject Matter Boundaries / T.Y. Ebrahim // Seattle University Law Review. — 2017. — Vol. 41, № 1. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3039224.

9. Holbrook T.R. Digital Patent Infringement in an Era of 3D Printing / T.R. Holbrook, L.S. Osborn // U.C. DAVIS Law Review. — 2015. — Vol. 48. — P. 1319–1385.
10. Красновский Г.Н. Актуальные проблемы правового регулирования трансплантации органов и тканей в Российской Федерации / Г.Н. Красновский, Д.Н. Иванов // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. — 1993. — № 5. — С. 30–36.
11. Дорогин Д.А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование / Д.А. Дорогин. — Москва : Юрлитинформ, 2016. — 222 с.
12. Красавчикова Л.О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными правами граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Л.О. Красавчикова. — Екатеринбург, 1994. — 435 с.
13. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / М.Н. Малеина. — Москва, 1997. — 431 с.
14. Аполинская Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н.В. Аполинская. — Иркутск, 2009. — 22 с.
15. Донцов Д.С. Органы и ткани человека как объекты вещного права в Российской Федерации / Д.С. Донцов // Медицинское право. — 2009. — № 2. — С. 43–47.
16. Аверченко Н.Н. Понятие и признаки вещи как объекта гражданских прав / Н.Н. Аверченко // Журнал российского права. — 2004. — № 5. — С. 86–92.
17. Васильев Г.С. Человеческий биоматериал как объект права / Г.С. Васильев // Правоведение. — 2018. — № 2 (337). — С. 308–361.
18. Kazemian L. DNA Retention Policies: The Potential Contribution of Criminal Career Research / L. Kazemian, K. Pease, D.P. Farrington // European Journal of Criminology. — 2011. — Vol. 8, iss. 1. — P. 48–64.
19. Кузнецов В.Ю. О перспективах криминализации незаконного оборота органов, тканей и (или) клеток человека / В.Ю. Кузнецов // Актуальные проблемы российского права. — 2012. — № 1 (22). — С. 230–242.
20. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности / С.М. Кочои. — 2-е изд. — Москва : Юрист, 2000. — 288 с.

REFERENCES

1. Grebenkina I., Vinogradova M., Konstantinov V., Prasolov V., Lukyanova A. Level Entrepreneurship-Role in the Digital Economy, Tendencies of Improvement of the Information Support System. *Journal of Entrepreneurship Education*, 2019, vol. 22, iss. 5. DOI: 1528-2651-22-5-446.
2. Young-Joon Seol, Hyun-Wook Kang, Sang Jin Lee, Anthony Atala, James J. Yoo. Bioprinting Technology and its Applications. *European Journal of Cardio-Thoracic Surgery*, 2014, vol. 46, iss. 3, pp. 342–348.
3. Mohamed G.F., Manal H.M., Assem M. 3D Bioprinting. *QJM: An International Journal of Medicine*, 2018, vol. 111, iss. suppl_1, pp. 200–225.
4. Aleinik N. Organ Printing: how 3D Bioprinting Technologies Have Advanced and what Hinders their Development. *Rusbase*, 2019. November 12. Available at: <https://rb.ru/longread/bioprinting>.
5. Gunasekaran M., Bansal S., Ravichandran R., Sharma M., Perincheri S. Respiratory Viral Infection in Lung Transplantation Induces Exosomes that Trigger Chronic Rejection. *Journal of Heart Lung Transplant*, 2020, vol. 39, iss. 4, pp. 379–388. DOI: 10.1016/j.healun.2019.12.009.
6. Lindenfeld E., Tran J. Strict Liability and 3D-Printed Medical Devices. *Yale Journal of Law & Technology*, 2015, vol. 17. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2697245>.
7. Tran J.L. The Law & 3D Printing. *The John Marshall Journal of Information Technology & Privacy Law*, 2015, vol. 31, iss. 4, pp. 505–520.
8. Ebrahim T.Y. 3d Bioprinting Patentable Subject Matter Boundaries. *Seattle University Law Review*, 2017, vol. 41, no. 1. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3039224.
9. Holbrook T.R., Lucas S. Osborn. Digital Patent Infringement in an Era of 3D Printing. *U.C. DAVIS Law Review*, 2015, vol. 48, pp. 1319–1385.
10. Krasnovsky G.N., Ivanov D.N. Actual Problems of Legal Regulation of Organ and Tissue Transplantation in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo = Moscow University Law Bulletin*, 1993, no. 5, pp. 30–36. (In Russian).
11. Dorogin D.A. *Protivopravnye deyaniya, svyazannye s organami i (ili) tkanyami cheloveka: ugovno-pravovoe issledovanie* [Unlawful Acts Related to Human Organs and (or) Tissues: Criminal Law Research]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2016. 222 p.
12. Krasavchikova L.O. *Ponyatie i sistema lichnykh, ne svyazannykh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii. Dokt. Diss.* [The concept and system of private rights of citizens (physical persons) not connected with property in the Civil Law of the Russian Federation. Doct. Diss.]. Yekaterinburg, 1994. 435 p.
13. Maleina M.N. *Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan (ponyatie, osushchestvleniye i zashchita). Dokt. Diss.* [Personal Non-Property Rights of Citizens (Concept, Exercise and Protection). Doct. Diss.]. Moscow, 1997. 431 p.
14. Apolinskaya N.V. *Biologicheskie ob"ekty cheloveka v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Human Biological Objects in the Civil Law of the Russian Federation. Cand. Diss. Thesis]. Irkutsk, 2009. 22 p.
15. Dontsov D.S. Human Organs and Tissues as Objects of Property Law in the Russian Federation. *Meditinskoe pravo = Medical Law*, 2009, no. 2, pp. 43–47. (In Russian).
16. Averchenko N.N. The Concept and Attributes of a Thing as an Object of Civil Rights. *Zhurnal rossiiskogo prava = Russian Law Journal*, 2004, no. 5, pp. 86–92. (In Russian).
17. Vasiliev G.S. Human Biomaterial as a Legal Object. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2018, no. 2 (337), pp. 308–361. (In Russian).

18. Kazemian L., Pease K., Farrington D.P. DNA Retention Policies: The Potential Contribution of Criminal Career Research. *European Journal of Criminology*, 2011, vol. 8, iss. 1, pp. 48–64.
19. Kuznetsov V.Yu. The Perspectives of Criminalization of Illegal Traffic of Human Organs, Tissues and (or) Cells. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2012, no. 1 (22), pp. 230–242. (In Russian).
20. Kochoi S.M. *Otvetstvennost' za korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti* [Responsibility for Mercenary Crimes against Property]. 2nd ed. Moscow, Yurist Publ., 2000. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кочои Самвел Мамадович — профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник юстиции России, академик РАЕН, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

Гребенкина Ирина Александровна — доцент кафедры гражданского права и процесса Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, старший преподаватель кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: iagrebinkina@msal.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кочои С.М. Биоматериалы, органы и ткани человека как предмет преступления / С.М. Кочои, И.А. Гребенкина. — DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).82-90 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 82–90.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kochoi, Samvel M. — Professor, Chair of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Russian Higher Education, Honorary Worker of Russian Justice, Academician, Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, the Russian Federation; e-mail: sam.kochoi@bk.ru.

Grebinkina, Irina A. — Ass. Professor, Chair of Civil Law and Process, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Senior Lecturer, Chair of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: iagrebinkina@msal.ru.

FOR CITATION

Kochoi S.M., Grebinkina I.A. Human biomaterials, organs and tissues as objects of crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 82–90. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).82-90. (In Russian).